

А.Г. АЙРАПЕТОВ, С.Н. МОЛОТКОВ

ВЕРМАХТ В ВОЙНЕ ПРОТИВ СССР (историко-психологический аспект)

Долгое время внимание историков было преимущественно направлено на изучение военно-стратегических, тактических, экономических, политических аспектов Великой Отечественной войны. “Человеческая” проблематика войны нашла отражение, с одной стороны, в показе героизма и мужества советских солдат и офицеров, партизан, вклада в победу труженников тыла, с другой – в раскрытии преступных, человеконенавистнических замыслов и зверств фашистских захватчиков¹.

Из работ, посвященных осмыслению морального фактора в войне, следует отметить исследования М. Леонова, М.П. Скирдо, Л.К. Селезнева. Акцентируя внимание на политико-идеологической составляющей морального фактора войны, авторы, однако, упускают из виду его морально-психологические аспекты, считая их менее существенными².

В перестроечной и в постсоветской отечественной историографии заметно возросло внимание к феномену нацистской пропаганды. Если в работе Ю.Я. Орлова выясняются причины поражения нацистской Германии в пропагандистской войне против СССР, то в исследованиях Ю.Я. Орлова, В.Н. Залепеева, Н.Л. Волковского, С.В. Кулика, К.Э. Шварцкофа раскрываются структура, методы и механизм действия пропагандистского аппарата гитлеровской Германии³.

В современной российской исторической науке значительно возрастает исследовательский интерес к культурно-ментальным и социально-психологическим факторам войны. Особую роль в изучении психологических аспектов истории войны сыграли работы Е.С. Сенявской, в которых предпринята попытка вос-

---

Айрапетов Арутюн Гургенович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

Молотков Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Тамбовского филиала Орловской академии государственной службы.

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945, в 6-и т. М., 1960–1964; *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы, в 2-х т. М., 1973; *Прозктор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985.

² *Леонов М.* Моральный фактор в современных войнах. М., 1946; *Скирдо М.П.* Моральный фактор в Великой Отечественной войне. М., 1959; *Селезнев Л.К.* К вопросу об оценке политико-морального состояния германского вермахта в 1941–1945 г. – Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время, вып. 7. Волгоград, 1976.

³ *Орлов Ю.Я.* Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985; *Залепеев В.Н.* Министерство пропаганды фашистской Германии: структура и методы. – Религия, умонастроение, идеология в истории. Брянск, 1996; *Волковский Н.Л.* История информационных войн. СПб., 2003; *Кулик С.В.* Человеческий фактор в советской и нацистской пропаганде на оккупированной территории России. – Вестник СПбГУ. История, 2004, вып. 1–2; *Шварцкоф К.Э.* Образ внешнего мира в национал-социалистической пропаганде (1933–1941 гг.). Автореферат канд. дисс. Краснодар, 2004.

создать социально-психологический облик российского фронтовика в военных конфликтах XX в.⁴

В 1999 г. была опубликована монография М.Ю. Мягкова⁵, в которой автор не только реконструирует события зимы 1941–1942 гг., но и раскрывает основные черты морально-психологического облика военнослужащих вермахта. По мнению автора, морально-психологический надлом вермахта под Москвой сказался на всем последующем ходе войны Германии против Советского Союза.

Отношение гражданского населения Германии к войне на Восточном фронте рассматривается М.Ю. Мягковым и Е.Н. Кульковым в недавно опубликованных коллективных трудах⁶. По наблюдениям Е.Н. Кулькова, после Московской битвы ход войны все более убеждал немцев в том, что войну им не выиграть. Тем не менее, они в своей основной массе сохраняли лояльность нацистскому режиму вплоть до его разгрома.

Интерес к судьбе человека на войне выразился и в появлении ряда работ, посвященных социально-психологическим аспектам Сталинградской битвы⁷. В них на микроуровне исследуются мироощущение и поведение германского фронтовика, оказавшегося в экстремальной ситуации “котла”. А.С. Бланк, Б.Л. Хавкин, А.С. Якушевский, С.В. Кожин, В.Г. Карнаевич исследовали “взгляд на войну из вражеского окопа” – с немецкой стороны⁸.

В 1980-е годы в ФРГ отчетливо обозначился интерес к социальным и ментальным аспектам истории Второй мировой войны⁹. Историк В.Р. Бейер рассматривает Сталинградское сражение с точки зрения рядового солдата вермахта: основываясь на своем фронтовом опыте, он описывает военные будни “маленького человека” на большой войне. К. Лаффлер исследовала поведение фронтовиков на передовой по письмам солдата Рихарда М.¹⁰

В сборнике статей “Сталинград. Мифы и реальность одного сражения”¹¹ исследуются проблемы отношения немецких фронтовиков к смерти на разных этапах окружения, санитарного, продовольственного положения 6-й армии, раскрываются особенности образа “русского врага”. В другом труде – “Сталинград. События. Воз-

---

⁴ *Сенявская Е.С.* 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *ее же.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *ее же.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

⁵ *Мягков М.Ю.* Вермахт у ворот Москвы. 1941–1942. М., 1999.

⁶ *Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война.* М., 2005; *Война и общество в XX веке, кн. 2.* М., 2008.

⁷ *Борозняк А.И.* Катастрофа вермахта под Сталинградом. Письма немецких солдат из сталинградского окружения. – Проблемы истории Второй мировой войны. Волгоград, 2000; *его же.* Начало преодоления “тотальной бесчеловечности”. Из писем немецких солдат из Сталинграда. – Человек и война. СПб., 2001; *Василенко И.В.* Сталинградская битва как трансординарное существование личности. – 60 лет Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне. М., 2003.

⁸ *Бланк А.С., Хавкин Б.Л.* Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990; *Якушевский А.С.* Реакция германской общественности на битву за Москву (по материалам секретных донесений гитлеровских спецслужб). 50-летие победы в битве под Москвой. М., 1993; *Кожин С.В.* Изучение противника органами спецпропаганды Красной Армии в период Великой Отечественной войны. – Военно-исторический архив, 2002, № 2; *Карнаевич В.Г.* Война с Россией глазами германского солдата. Из архива управления ФСБ по Курской области. – Военно-исторический журнал, 2004, № 5; *Хавкин Б.Л.* Фельдмаршал Паулюс и генерал артиллерии Зайдлиц в советском плену. – Россия и Германия, вып. 3. М., 2004.

⁹ *Kriegsalltag.* Stuttgart, 1989; *Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten.* München, 1992.

¹⁰ *Beyer W.R.* Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. Frankfurt a.M., 1987; *Laffler K.* Aufgehoben: Soldatenbriefe aus dem zweiten Weltkrieg. Eine Studie zur subjektiven Wirklichkeit des Krieges. Bamberg, 1992.

¹¹ *Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht.* Frankfurt a.M., 1992.

действие. Символ”¹² продолжена линия на изучение “личной”, “солдатской” истории войны.

В сборнике “Образ России в Третьем рейхе”¹³ прослеживается трансформация представлений о СССР и советских солдатах и офицерах в 1933–1945 гг.

В фундаментальном исследовании Х. Хеера “Мертвые зоны. Немецкий вермахт на Восточном фронте”¹⁴ на основе обширного документального и архивного материала воссоздается процесс моральной деградации солдат германской армии под влиянием национал-социалистической пропаганды.

В монографии А. Кунца “Вермахт и поражение”¹⁵ подчеркивается, что снижение боеспособности германской армии в 1944–1945 гг. было связано не только с нереализованными потребностями в технике, боеприпасах, обмундировании, но и с морально-психологическим надломом военнослужащих.

Заметным явлением в современной западной историографии Второй мировой войны стало компаративистское исследование С. Петри об эволюции военной психологии в Германии, Великобритании и США в 1914–1945 гг.¹⁶ Особое внимание автор уделил вопросу о психологической подготовке вермахта.

Предметом исследования нашей статьи служит изменение морально-психологического состояния военнослужащих вермахта на Восточном фронте в 1941–1945 гг. При этом рассматриваются национальные немецкие сухопутные фронтовые войсковые соединения (за исключением частей СС), которые составляли основную ударную силу нацистской Германии в войне против СССР.

* * *

К началу войны с СССР большинство германских военнослужащих прошли уже несколько триумфальных кампаний в Европе. “Молниеносные войны” с Польшей, Францией, операции в Норвегии, Греции, Северной Африке укрепили у немецкого солдата веру в свои силы, в верховное командование. Усилиями пропаганды прочно вошел в сознание военнослужащих тезис о непобедимости германской армии, призванной расширить границы рейха и побеждать его врагов.

С самого начала агрессии нацистской Германии против СССР солдаты и офицеры вермахта столкнулись с рядом обстоятельств, которые заметно затрудняли их адаптацию к условиям Восточного фронта. Война на Востоке существенно отличалась от блицкрига в Европе в 1939–1941 гг. “Психологическое влияние этой страны (России. – А.А., С.М.) на среднего немецкого солдата было очень сильным”, – констатировал начальник штаба 4-й германской армии Г. Блюментрит. Немецкий солдат “чувствовал себя ничтожным, затерянным в этих бескрайних просторах. Ужас еще усиливается меланхолическим, монотонным характером русского ландшафта, который действует угнетающе”¹⁷. Солдат Г. фон Шафен 25 июля 1941 г. писал родным: “Борьба с природой, горами, реками, плохими дорогами, пылью и жарой почти так же велика, как и с русскими соединениями, которые упорно борются”¹⁸. Офицер танковых войск О. Кариус вспоминал: “Если бы хоть не было этой невыносимой пыли! Мы обмотали тканью нос и рот, чтобы можно было

¹² Stalingrad: Ereignis, Wirkung, Symbol. München – Zürich, 1992.

¹³ Das Russlandbild im Dritten Reich. Köln – Weimar – Wien, 1994.

¹⁴ Heer H. Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. Hamburg, 1999.

¹⁵ Kunz A. Wehrmacht und Niederlage: die bewaffnete Macht in der Endphase der nationalsozialistischen Herrschaft 1944 bis 1945. München, 2005.

¹⁶ Petri S. J. Eignungsprüfung, Charakteranalyse, Soldatentum: Veränderung der Wissenschafts- und Methodenauffassung in der Militärpsychologie des Deutschen Reiches, Grossbritaniens und der USA 1914 bis 1945. Groningen, 2004.

¹⁷ Роковое решение. М., 1958, с. 72.

¹⁸ По обе стороны фронта. Письма советских и немецких солдат 1941–1945 гг. М., 1995, с. 186.

дышать в облаках пыли, повисшей над дорогой. Мелкая, как мука, пыль проникала повсюду”¹⁹.

Природа “сопротивлялась” не только людям, но и технике. “Пыльные, неблагоустроенные дороги, – отмечал генерал-полковник Г. Гудериан, – быстро выводили из строя машины, портили автоматическое оружие. Особенно сильным был износ моторов”²⁰. Каждую осень и весну с их распутицей немецкие солдаты воспринимали как зло: “Никто из нас не мог и предположить, в каких размерах мы несли убытки из-за грязи”²¹.

Трудности, с которыми столкнулись войска группы армий “Центр” осенью 1941 г., нужно было объяснить. Выход был найден в таком официальном объяснении: “Темп операции против остатков сил советской обороны при превосходстве немецких сил является в настоящий момент проблемой, зависящей только от погоды”²².

К концу осени 1941 г. вермахт столкнулся с рядом проблем, связанных с перебоем в обеспечении продовольствием и теплой одеждой. В относительно благоприятных условиях находились элитные войска. Зимой 1941 г. немецкие пехотинцы добывали теплую одежду, изымая ее у пленных советских солдат или снимая с трупов. Унтер-офицер Г. Пабст записал в дневнике: «Ребята из мотопехоты называли нас “голодная дивизия”... Нам не достаются новые армейские ботинки или рубашки, когда старые изнашиваются: мы носим русские брюки и русские рубашки, а когда приходит в негодность наша обувь, мы носим русские башмаки и портянки или еще делаем из этих портянок наушники от мороза»²³. Командир противотанкового расчета Г. Бидерман констатировал: “У противника мы научились искусству импровизации и самообеспечения. В холодные ночи мы утепляли свои блиндажи и каменные укрытия синими шинелями, которые стащили с вражеских трупов, лежавших перед нашими позициями. Мертвецы Красной Армии также снабдили нас плотными коричневыми фланелевыми перчатками”²⁴.

Германское командование отмечало, что “несколько раз разведка задерживала солдат, одетых в поношенное русское обмундирование. Их вид позорит армию. Никто не будет возражать, учитывая положение с обмундированием, если русский материал и куртки будут перешиты и будут нашиты знаки отличия германской армии. Надлежащим начальникам наблюдать за тем, чтобы это не нарушало общего вида армии”²⁵.

Таким образом, плохие дороги, жара, грязь, морозы – все это, по мнению командования и военнослужащих вермахта, значительно осложняло ведение боевых действий и мешало завершить кампанию в запланированный срок. Однако очевидно, что речь идет о субъективном преувеличении значимости этих факторов и их влияния на состояние военнослужащих вермахта. Внедренная в сознание немецких солдат ненависть к противнику переносилась на непривычный для германских фронтовиков русский климат и ландшафт. Русская природа создавала образ упорно сопротивлявшегося врага.

Идейно-психологическую основу запланированной руководством нацистской Германии агрессии против СССР составлял образ Советского Союза как врага. В этом образе соединялись антибольшевистские, антисемитские и отчасти антиславянские элементы. Среди имманентных качеств, присущих русским как нации, назывались “не-

¹⁹ *Карус О.* “Тигры” в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. М., 2005, с. 13.

²⁰ Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб. – М., 2002, с. 120.

²¹ *Biener W.* Russen und Deutschen: Was für Menschen sind das? Bilder und Folgemunde aus dem 2. Weltkrieg. Steim a.R., 1990, S. 49.

²² *Sundermann H.* Tagesparalen. Deutsche Presseweisungen 1939–1945. Hitlerspropaganda und Kriegsführung. Bruffel, 1973, S. 184.

²³ *Пабст Г.* Дневник немецкого офицера. Военные будни на Восточном фронте. 1941–1943. М., 2004, с. 46.

²⁴ *Бидерман Г.* В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. 1941–1945. М., 2005, с. 65.

²⁵ *Мягков М.Ю.* Указ. соч., с. 221.

обузданность”, “леность”, “нечистоплотность”, “беззаботность”, “эмоциональность”, “бесплановость”. Карикатурный образ русского Ивана в германской имагологии имел столь же гротескные черты, как и облик немецкого Фрица в российской этносемантике. Образ врага сопрягался с социальным опытом участников военных действий. Социальное положение военнослужащего, уровень его образованности, национальная и религиозная принадлежность, служебный статус в армии – все это во многом определяло восприятие противника.

Центральным элементом образа врага, создаваемого нацистской пропагандой, был миф о “еврейском большевизме”, победившем в России в 1917 г., угрожавшем Германии в 1918 г. (легенда “об ударе ножом в спину”) и стремящемся к господству над миром. Гитлер писал: “В русском большевизме мы должны видеть предприимчивую в двадцатом столетии попытку евреев завоевать мировое господство. ...Германия является сегодня ближайшей целью большевизма”²⁶.

Таким образом, шла подготовка к “идеологической войне” на Востоке. Верховное командование вермахта (ОКВ) и Верховное командование сухопутных войск (ОКХ) накануне нападения Германии на СССР издали ряд основополагающих приказов, ориентированных на ведение расовой идеологической войны, на массовое уничтожение советских людей. Начальник Генштаба ОКХ Ф. Гальдер 30 марта 1941 г. писал о требовании Гитлера вести “идеологическую войну” на Востоке: “Речь идет о борьбе на уничтожение... Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции... Командиры частей и подразделений обязаны знать цели войны... Война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость является благом на будущее”²⁷.

В первом выпуске “Сообщений для войск” (периодическое издание ОКВ и его отдела пропаганды, предназначенное для распространения во всех ротях), вышедшем в свет после нападения на Советский Союз, солдаты получили такое разъяснение смысла войны: “Речь идет о том, чтобы ликвидировать красное недочеловечество... Эта война является борьбой расового характера”²⁸.

Нацистская пропаганда отказалась от использования словосочетания “русский солдат” применительно к противнику. Циркуляром от 13 ноября 1941 г. имперское министерство пропаганды предписывало называть противника не солдатами, а “советскими армейцами” (“Sowjetarmisten”), так как слово “солдат” использовалось для обозначения военнослужащих вермахта и СС – “вооруженных защитников идей арийской расы и национал-социализма”²⁹.

Однако с весны 1942 г. требования военной целесообразности заставили нацистских пропагандистов более осторожно обращаться с клише “человек-господин” и “недочеловек”³⁰: в Красной Армии нацистскую расистскую пропаганду обращали в средство антифашистского идеологического воспитания и укрепления боевого духа советских солдат.

Уже летом 1941 г. немцы убедились в том, что Красная Армия сражается с большим упорством. Они задавали себе вопрос: “Почему русские приносят в жертву своих людей и сами жертвуют собой в таких масштабах?” Вот суждения из письма немецкого солдата от 19 ноября 1941 г.: “Почему русские сражаются до полного уничтожения? Почему у них так много мучеников за большевистскую идею, которая обладает громадной силой? Почему тысяча людей идет на смерть, словно на праздник? На эти

²⁶ Цит. по: Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Берлин, 1992, с. 25.

²⁷ Цит. по: История Германии XX в. в новом измерении. Источники, статистика, художественные документы. М., 2008, с. 217.

²⁸ *Ventte B.* Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза. – Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1945). М., 1995, с. 235.

²⁹ *Кормильцев Е. Т.* Германская пресса в войне против СССР: способы ведения пропаганды. – Вестник всеобщей истории, вып. 1. СПб., 1997, с. 68.

³⁰ *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Zeit in Indoktrination. Hamburg, 1969, S. 338.

вопросы нет удовлетворительных ответов. Эти факторы надо принимать как должное, мы ничего не можем изменить”³¹.

В ходе войны с СССР образ “русского врага” в сознании немецких фронтовиков не претерпевает коренных изменений. В их письмах домой отчетливо виден созданный нацистской пропагандой образ врага – “зверья” и “недочеловека”. Рихард М. почти не находит цензурных слов для характеристики советских солдат и офицеров³².

Свою роль в закреплении нацистского “образа врага” играли распространенные в Первую мировую войну представления о “зверствах казаков”, об “азиатских ордах”, о “варварстве и дикости русских”. Немецкие солдаты, по их свидетельствам, до самого конца войны оставались во власти страха перед русскими. Страх рождал и ненависть как своеобразную форму психологической защиты. Солдат А. Энгерманн так передает это состояние: “Этот страх перед русскими. Мы часто об этом говорили. И многие из нас, которые обычно отличались уравновешенностью, откровенно говорили о своем неизменном намерении лучше покончить с собой, чем попасть в русский плен... Этот адский страх попасть в русский плен!”³³.

Существенным фактором разрушения стереотипа “русского врага” в сознании военнослужащих вермахта было их пленение советскими войсками. Для большинства солдат, попавших в плен, это было сильное потрясение, зачастую в корне менявшее их представления о “русском враге”. Отчаяние немцев соединялось с удивлением: «во-первых, они потерпели поражение, они не победили; во-вторых, русские, против ожидания, не выстрелили им в затылок; в-третьих, им долбили, что у “Ивана” нет больше оружия, а они увидели советские орудия. Больше же всего их поразило, что “Иван”, “человек низшей расы”, во многих случаях умел говорить по-немецки, ему хорошо была известна и немецкая история, и культура»³⁴.

В действительности “русский враг-варвар” был обыкновенным человеком. Однако человеческие чувства к “Ивану” подавлялись всей системой нацистской военной пропаганды. Бескомпромиссность по отношению к противнику нередко переходила границы самозащиты, порождая стремление свести счеты с раненым врагом. Особую ненависть нацистов вызывали советские комиссары – “носители еврейско-большевистской идеологии”. В обращении военнослужащих вермахта с советскими военнопленными преобладала жестокость, вызванная не только идейными соображениями, но и возникшим в горячке войны чувством безнаказанности.

Постепенно оценка противником морально-психологических и боевых качеств советских солдат изменялась в сторону объективности и реализма. Генерал Блюментрит отмечал: “По нашему первому впечатлению, русский солдат был стойким бойцом... Даже в окружении русские продолжали упорные бои... Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходящая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя”³⁵. Немецкий генерал Фретгер-Пико говоря о советском солдате, отмечал: он “физически очень крепок, неприхотлив и вынослив”³⁶.

Через неделю после нападения Германии на СССР нацистская газета “Фёлькишер Beobachter” писала: “Русский солдат превосходит нашего противника на Западе своим

---

³¹ Das Andere Gesicht des Krieges. Deutsche Feldpostbriefe 1939 bis 1945. München, 1982, S. 87.

³² Laffler K. Aufgehoben: Soldatenbriefe aus dem zweiten Weltkrieg. Eine Studie zur subjektiven Wirklichkeit des Krieges. Bamberg, 1992, S. 125.

³³ Немцы о русских. М., 1996, с. 62.

³⁴ Бланк А., Левель Б. Наша цель – свободная Германия. Из истории антифашистского движения “Свободная Германия” (1943–1945). М., 1969, с. 136.

³⁵ Роковое решение, с. 72, 84, 98.

³⁶ Немцы о русских, с. 78.

презрением к смерти. Выдержка и фатализм заставляют его держаться до тех пор, пока он не убит в окопе или не падает мертвым в рукопашном бою”³⁷.

В течение второй половины 1941 г. и начала 1942 г. многие немецкие фронтовики уже осознавали, что они столкнулись с достойным противником, способным сражаться до конца. Солдат Фребель писал об этом, находясь советском плену: “В начале войны мнение было таково, что русский солдат – хороший солдат, но вооружение у германской армии лучше, более современное, а поэтому русские, как предполагалось, не смогут оказать достаточное сопротивление. Впервые, в боях под Ленинградом, под Москвой, на Днепре и в Крыму выяснилось, что русские оказались серьезными противниками и мнение о них изменилось”³⁸.

Упорство и стойкость советских солдат в бою признавало и высшее военное командование Германии. Генерал-полковник Ф. Гальдер в своем дневнике писал: “Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны ДОТов взрывали себя, не желая сдаваться в плен... Русские всюду сражаются до последнего человека... Первый серьезный противник”³⁹.

У подавляющей части военнослужащих вермахта в первые месяцы агрессии против СССР еще не возникало сомнений в том, что война закончится в 1941 г. Лейтенант 721 полка 71 пехотной дивизии П. Г. так выразил свою уверенность: “По моим прогнозам, через 4-5 недель зная свастики будет развиваться над Кремлем в Москве и что еще в этом году мы поквитаемся с Томми (Великобританией. – *А.А., С.М.*) и с Россией. Не секрет, что через 4 недели мы с нашим непобедимым вермахтом войдем в Москву”. Однако упорное сопротивление советских войск летом-осенью 1941 г., растущие потери германской армии вызвали беспокойство в рядах вермахта. В “Особом донесении” командира 2-го батальона в штаб 481-го пехотного полка от 10 ноября 1941 г. говорилось: “Настроение в подразделении весьма неважное, главным образом из-за того, что конца войны сейчас еще не предвидится. Настроение, по моему мнению, приближается к настроению немецких солдат в Первую мировую войну, конкретно в 1917–1918 гг.”⁴⁰.

Представитель Генштаба ОКХ, в декабре 1941 г. выяснявший положение со снабжением и настроения личного состава 20-го и 57-го армейских корпусов группы армий “Центр”, зафиксировал: “Войска болезненно реагируют на вопросы о сроках завершения восточной кампании и возвращении домой”⁴¹.

Советское контрнаступление под Москвой в декабре 1941 г. вызвало качественные сдвиги в психологическом состоянии военнослужащих германской армии. Многие солдаты и офицеры вермахта осознали, что рассчитывать на “блицкриг” теперь не приходится и триумфальное возвращение домой откладывается на неопределенный срок. Показательными для психологической атмосферы в вермахте были аналогии с неудачным походом Наполеона в Россию в 1812 г. Блюментрит отмечает: “Воспоминания о Великой армии Наполеона преследовали нас, как привидение. Книга мемуаров наполеоновского генерала Коленкура, всегда лежавшая на столе фельдмаршала фон Клюге, стала его библией. Все больше становилось совпадений с событиями 1812 г.”⁴².

В сложившейся ситуации под Москвой в группе армий “Центр” участились случаи дезертирства и самострелов. Отмечается увеличение количества приказов армейского командования о расстрелах и других наказаниях, призванных поддержать дисциплину

³⁷ Почему наш солдат победил солдата немецкого. – Российская Федерация, 2005, № 3, с. 41.

³⁸ О политико-моральном состоянии немецких войск в Крыму (по материалам опроса пленных и документов). М., 1942, с. 21.

³⁹ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1. М., 1971, с. 37, 60, 190.

⁴⁰ Цит. по: Мясков М.Ю. Указ. соч., с. 207.

⁴¹ Там же, с. 202.

⁴² Роковое решение, с. 64.

личного состава. Были созданы штрафные роты и батальоны; штрафниками укомплектовали 100 подразделений, в том числе и офицерских⁴³.

Суммируя итоги боевых действий вермахта в зимних условиях 1941–1942 гг. генерал К. Типпельскирх указывал: “В связи с изменившимся положением на фронте, наряду с военной проблемой возникла еще более важная психологическая проблема. Создалась угроза того, что командование и войска под влиянием... понятного разочарования в быстром исходе войны не выдержат морально и физически”⁴⁴.

Сильное воздействие на моральное состояние немецких солдат оказывали тяжелые потери в боевой технике и вооружении, а также появление качественно новой советской военной техники. Фельдмаршал Э. фон Клейст писал: “Советская боевая техника и оружие были отличного качества еще в 1941 г., особенно танки. Русский танк Т-34 был самым лучшим танком в мире”⁴⁵. О превосходных боевых качествах танка Т-34 высказывались генерал-полковник Г. Фриснер⁴⁶ и командир 18 горно-пехотного корпуса генерал пехоты Ф. Гохбаум⁴⁷.

В пехоте вермахта возникает “танкобоязнь”: “Солдаты нашего полка боятся советских танков. Я тоже их боюсь, я видел – они уничтожают нашу армию. Это очень страшно”, – писал в 1941 г. солдат Э. Ян⁴⁸. Из всех видов советского оружия, наводившего страх, наиболее часто немецкими военнопленными на допросах упоминались гвардейские реактивные минометные установки. Если русские дали им женское имя Катюша, то немцы называли их “сталинскими органами”. Слесарь артдивизиона 97 легкопехотной дивизии обер-фельдфебель Л. Фарбель показал на допросе в октябре 1942 г.: «Вопрос о “сталинском органе” часто обсуждается в кругу солдат и офицеров. Все возмущены тем, что Германия до сих пор не имеет на вооружении равноценной системы»⁴⁹. 19 декабря 1941 г. командир 5-го немецкого армейского корпуса отдал приказ, в котором говорилось: “...Курсируют упадочнические слухи о... превосходстве русских... Я настоятельно прошу расследовать каждый случай в отдельности, чтобы пресечь все попытки недоброжелателей”⁵⁰.

Первоначально немцы не могли поверить, что русские, “низшая раса”, в состоянии создать превосходную военную технику. Офицер 29 моторизованной дивизии 2 танковой группы г. Гудериана записал в дневнике: «Русские ввели в дело новый вид разрушителя (“катюши”. – А.А., С.М.). Очевидно, это американская машина»⁵¹.

Крах блицкрига, крупные потери вызвали заметные изменения в отношении военнослужащих вермахта к войне. По данным, составленным на основе обработки писем немецких военнослужащих, можно проследить динамику изменений в восприятии войны. Если в первые месяцы войны против СССР только треть отправленных писем содержала ее негативную оценку, то уже через полгода, в январе 1942 г., количество недовольных войной достигло 65%. Это касалось как солдат, так и офицеров вермахта. В то же время процент писем, не затрагивающих военные вопросы, уменьшился с 41% в июле 1941 г. до 24% в январе 1942 г.⁵²

В атмосфере серьезного стресса, возросшего страха за собственную жизнь заметно усилилась религиозность военнослужащих вермахта. Обесценивание человеческой жизни, жестокая война наводили на мысль о библейском апокалипсисе как наказа-

⁴³ Мясков М.Ю. Указ. соч., с. 218.

⁴⁴ Типпельскирх К. История Второй мировой войны, т. 1. СПб., 1994, с. 201.

⁴⁵ От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992, с. 237.

⁴⁶ Фриснер Г. Проигранные сражения. М., 1966, с. 224.

⁴⁷ Кожин С.В. Указ. соч., с. 111.

⁴⁸ Что делается в армии и в тылу врага (по рассказам пленных солдат). М., 1941, с. 6.

⁴⁹ Кожин С.В. Указ. соч., с. 110.

⁵⁰ Фридман Я. Состояние немецко-фашистской армии после поражения под Москвой. – Вторая мировая война, кн. 2. М., 1966, с. 172.

⁵¹ Немцы о русских, с. 24.

⁵² Леонов М. Указ. соч., с. 77.

нии. Командир противотанкового расчета Г. Бидерман вспоминал, что “многие из солдат, которые до тех пор не слишком тяготели к религии, стали посещать службы”⁵³. В письме домой с Восточного фронта от 4 декабря 1941 г. неизвестный солдат писал: “Я снова вернусь домой здоровым, ведь у меня есть девиз: Господь Бог мой благодетель и со мной ничего не случится, и я в это верю”⁵⁴. Несмотря на то, что причиной неудач германских войск во время битвы за Москву объявлялись тяжелые природно-климатические условия, солдаты и офицеры вермахта осознали возросшую опасность со стороны Красной Армии.

В начале весны 1942 г. в морально-психологическом состоянии вермахта отмечается стабилизация, связанная с сокращением потерь в живой силе. Неудачи последних месяцев вызвали стремление фронтовиков “реабилитироваться”, “воссоздать” миф о непобедимости германской армии. Однако уже в ходе крупномасштабного летнего наступления 1942 г. командование вермахта столкнулось с проблемой физической и душевной усталости военнослужащих на всех участках Восточного фронта.

Отсутствие обещанных отпусков домой после трудной зимы 1941–1942 гг. стало еще одним дестабилизирующим фактором, влияющим на общий психологический климат во фронтовых частях. Тем не менее, наступление, успешно развивавшееся в течение всего лета 1942 г., дало вермахту уверенность в том, что война будет закончена в 1942 г. Военнопленный солдат 9 роты 71 саперного полка 29 дивизии А. Новак рассказывал: «Офицеры говорили солдатам: “Возьмем Сталинград, а затем пойдем на отдых. Весной будет взят Кавказ и с Россией будет покончено”»⁵⁵. В. Гофман, служивший сначала в ротной, а затем в батальонной канцелярии 297 пехотного полка 94 пехотной дивизии, записал в дневнике 29 июля 1942 г.: “Выйти на Волгу и взять Сталинград для наших армий не такое уж сложное дело. Фюрер знает, где слабое место у русских, победа близка”. 10 августа в дневнике Гофмана появилась новая запись: “Мы все уверены, нас не остановить”⁵⁶.

Однако кровопролитные бои, развернувшиеся за овладение Сталинградом в сентябре–ноябре 1942 г., похоронили для большинства солдат 6 армии надежду на окончание войны в 1942 г. Рядовой Ганн на допросе в советском плену поведал: “Раньше было объявлено, что Сталинград будет взят к 1 сентября. Это уже не первый срок, который мы слышим, приходящие с фронта заявляют, что бои под Сталинградом необычно тяжелые... В связи с этим можно слышать среди солдат нашей роты разговоры о том, что, хотя в этом году германское командование было осторожнее, оно все же недоценило русских сил, так как кругом говорили, что вот-вот война закончится. Теперь снова приходится разочаровываться – и это не в первый раз”⁵⁷. А. Шуберт из 501 строительного батальона сообщил: “Нам говорили, что Сталинград будет взят в конце августа, потом в начале сентября, а теперь о сроках уже не говорят”. Военнопленный унтер-офицер Г. Глейм (дивизион ПТО 7 рота 11 пехотной дивизии) так передавал настроения солдат: “Нам офицеры говорят, что мы возьмем Сталинград и для нас война окончится, так как дальше Волги немцы не пойдут. Никто из солдат этому не верит, ведь мы зашли слишком далеко в Россию”⁵⁸.

Потеряв надежду на окончание войны в 1942 г., солдаты видели перед собой перспективу второй зимы в русских условиях: “Говорят, что немецкая армия дойдет до Волги, здесь построит оборонительную линию, создаст гарнизоны в основных населенных пунктах и будет зимовать”⁵⁹. Военнопленный солдат 120 пехотного полка

⁵³ Бидерман г. Указ. соч., с. 23.

⁵⁴ “Ich will raus aus diesem Wahnsinn”. Deutsche Briefe von der Ostfront 1941–1945 (aus sowjetischen Archiven). Wuppertal, 1991, S. 48.

⁵⁵ Сталинградская битва. Хроника, факты, люди, кн. 2. М., 2002, с. 561.

⁵⁶ Цит. по: Чуйков В.И. Начало пути. Волгоград, 1967, с. 237.

⁵⁷ Сталинградская эпопея: впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ. М., 2001, с. 74.

⁵⁸ Сталинградская битва. Хроника, факты, люди, с. 561.

⁵⁹ Сталинградская эпопея..., с. 74.

60 механизированной дивизии Э. Бычковский на допросе 13 августа 1942 г. показал: “Все без исключения боятся зимы и говорят, что с приходом зимы будет очень плохо с подвозом продовольствия и боеприпасов, а так как русские зимой хорошо воюют, то все, кто останется здесь, обречены на гибель”⁶⁰.

Раздражение в связи с провалом многочисленных попыток окончательно овладеть Сталинградом приводило многих немецких солдат и офицеров к мысли о безысходности этого сражения: “Сталинград все еще не пал. Хотя осталось всего каких-то 100 метров в длину и 100 метров в ширину, мы никак не можем взять этот кусок, несмотря на то, что несметное количество дивизионов атакуют русских почти каждый второй день. Но каждая атака останавливается и отбивается. Иногда целый день идет борьба за один дом”⁶¹. По воспоминаниям полковника В. Адама, “большие потери действовали угнетающе на солдат. Люди приуныли, они не ожидали такого упорного сопротивления”⁶². В сообщении Особого отдела НКВД Сталинградского фронта, датированном не позднее 15 августа 1942 г., отмечалось, что “настроение немецких солдат, в связи с упорным сопротивлением советских войск под Сталинградом, резко снизилось”⁶³.

Характер настроений военнослужащих 6 армии вермахта, при всей их типичности, различался в зависимости от возраста и боевого опыта солдат. Из показаний обер-ефрейтора 71 пехотного полка 29 механизированной дивизии Шнейдера, взятого в плен в середине августа 1942 г., выяснилось, что личный состав его части неоднороден. “Солдаты старших возрастов считают, что войну нужно закончить поскорее, при этом не важно с каким исходом, так как они устали и стремятся поскорее вернуться к семьям. Солдаты молодых возрастов настроены довольно бодро и желают воевать до победного конца”⁶⁴. По свидетельству солдата 376 пехотной дивизии Р. Диккерта, его рота “была укомплектована возрастными 30–35 лет. Все они не хотели воевать, устали и не верят в победу. Все были убеждены, что германским войскам не удастся взять Сталинград, говорили, что будет то же, что с Москвой и Ленинградом”⁶⁵.

Тем не менее, из показаний пленных, трофейных писем и дневников видно, что морально-психологическое состояние большинства немецких солдат и унтер-офицеров осенью 1942 г. было все еще ориентировано на победную войну. В Докладной записке НКВД СССР “О дисциплине и морально-политическом состоянии армии противника” от 31 октября 1942 г. констатировалось: “В целом дисциплина германских солдат может быть названа весьма высокой”⁶⁶.

В результате контрнаступления советских войск в ноябре 1942 г. 6-я германская армия и части 4-й танковой армии были окружены в районе Сталинграда. Первоначально новость об окружении военнослужащие вермахта восприняли без драматизма: как возможность отличиться при прорыве “котла” и получить отпуск домой. Офицер разведки 6-й армии И. Видер так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Люди на передовой считали создавшееся положение бедой поправимой, обычным делом, без которого на фронте не обходится, и были даже уверены, что после благополучного исхода участники сражений получат, как это обычно бывает, особый знак отличия – какую-нибудь сталинградскую нашивку или памятную медаль за выход из “котла”»⁶⁷.

Однако к декабрю 1942 г. немцы в большинстве своем начинают понимать всю серьезность сложившейся ситуации. Неспособность самостоятельно вырваться из ок-

⁶⁰ Там же, с. 46.

⁶¹ “Ich will raus aus diesem Wahnsinn”..., S. 133.

⁶² Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника шестой германской армии. М., 1967, с. 111.

⁶³ Сталинградская эпопея..., с. 50.

⁶⁴ Цит. по: Еременко А.И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961, с. 95.

⁶⁵ Сталинградская эпопея..., с. 77.

⁶⁶ Там же, с. 109.

⁶⁷ Видер И. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера разведки 6 армии Паулуса. М., 1965, с. 55.

ружения усиливала у них ощущение, что они всего лишь пассивные фигуры в этой войне. Солдаты еще верили, что спасительный выход будет найден Гитлером. Но после провала деблокирующего наступления армейской группы “Гот” настроения в 6-й армии резко упали. Гаупт-вахмистр П. Мюллер (п/п № 22468) писал 28 декабря 1942 г. домой: “Каждый день мы задаем себе вопрос: где же наши спасители, когда наступит час избавления, когда же? Не погубит ли нас до того времени русский”⁶⁸. Старший ефрейтор Й. Кениг в письме родным от 30 декабря 1943 г. сообщал: “Если пройдет еще некоторое время, пока мы будем освобождены, нам так или иначе будет капут. Надеемся, что все это изменится, ибо иначе мы едва ли снова увидим родину”⁶⁹.

В сражении за Сталинград произошла переоценка многими немецкими фронтовиками своего противника. В письме от 18 ноября 1942 г. ефрейтор О. Бауэр (п/п № 43398) отмечал: “Оснащенные самым современным оружием, русские наносят нам жесточайшие удары. Это яснее всего проявляется в боях за Сталинград. Здесь мы должны в тяжелых боях завоевывать каждый метр русской земли и приносить большие жертвы, так как русские сражаются упорно и ожесточенно, до последнего вздоха”⁷⁰. Полковник Адам вспоминал: «На переднем крае – сущий ад. Ничего подобного я еще не видел на этой войне. “Иван” не отступает ни на шаг. Они дерутся за каждую развалину, за каждый камень»⁷¹. Самопожертвование советских солдат на передовой военнотружущие вермахта расценивали как фанатизм, воспитанный большевиками, а не как патриотизм и проявление солдатской доблести.

Неоднозначным было восприятие смерти в “котле”. Часть солдат и офицеров 6-й армии сохраняла надежду на спасение, хотя все говорило об обратном; другие прославляли смерть как героический поступок, воспринимали ее как жертву, принесенную на алтарь отечества; третьи отдавали свою судьбу в руки Бога и смотрели собственной смерти прямо в глаза. Фатализм, проявившийся в покорности судьбе, соединялся с убеждением, что единственным выбором, который еще оставался у солдат, было “выполнение воинского долга”. С января 1943 г. в письмах стал доминировать мотив предчувствия смерти. “То, что с нами случилось за последнее время, не надо никому рассказывать... Никто не предполагал, что нам придется еще раз переживать такие времена”; “Часто задаешь себе вопрос: к чему все эти страдания, не сошло ли человечество с ума? Но размышлять об этом не следует, иначе в голову приходят странные мысли, которые не должны были бы появляться у немца”; “Все это не поддается описанию и никто не знает, сколько это продлится... Надежды на освобождение тают с каждым днем”; “Хватит, мы с тобой не заслужили такой участи... Хоть раз напишу тебе правду, теперь ты знаешь, что здесь происходит. Пришло время, чтобы фюрер освободил нас. Да, Кати, война ужасна, я все это знаю как солдат. До сих пор я не писал об этом, но теперь молчать уже нельзя”⁷².

В этой обстановке согласно директиве разведотдела Верховного командования вермахта на военную цензуру были возложены функции не только регистрации военной почты, но и подготовки строго секретных документов, по которым можно воссоздать “нефальсифицированную картину настроений в армии”. В первом отчете (за 14–22 декабря 1942 г.), для которого было проанализировано 10 000 писем, настроение солдат 6-й армии еще оценивалось как “спокойное на 90%”, а их поведение как “в высшей степени дисциплинированное, хотя и с отдельными исключениями”. Отмечалась “всеобщая готовность к жертвам во имя фюрера, народа и отечества”. Но указывалось, что “растет недовольство по поводу малого количества еды”⁷³. Жалобы солдат

⁶⁸ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. М., 1944, с. 40.

⁶⁹ Сталинградская битва. Хроника, факты, люди, кн. 2, с. 326.

⁷⁰ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага, с. 13.

⁷¹ Адам В. Указ. соч., с. 124.

⁷² Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага, с. 44–45, 59.

⁷³ *Wette W.* “Unsere Stimmung ist auf dem Nullpunkt angekommen”. Berichte von Feldpostprüfstellen über die “Kessel-Post”. – Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht, S. 93.

на холод, скверное снабжение и плохую организацию ухода за ранеными относились к категории досадных недоразумений. Правда, не исключалось “снижение общего настроения из-за того, что тает надежда на скорое наступление, сократилось количество оружия, почты, а также из-за нехватки продовольствия”. Тональность второго отчета (за 23 декабря 1942 г. – 9 января 1943 г.) заметно меняется. Настроение войск оценивается еще “неизменно хорошим” и даже “героическим”, но уже на 70%, а выдержки из писем, которые должны были стать фактическим основанием для этих выводов, служили, скорее, их опровержением: “Если мы выйдем из котла, то все окажемся в лазарете”; “Каждый из нас похож на свою смерть, осталась только кожа и кости”; “Надеюсь, я окончательно отморожу ноги и попаду в госпиталь”. Доверие к “фюреру” и надежда на обещанную им помощь еще сильны: “Несмотря на все, мы держимся, как и обещали фюреру, и то, что он обещал, он сдержит”. Многие все еще надеялись на окружение русских с юга армиями Манштейна и Клейста⁷⁴.

От внимания цензоров не ускользнуло и то, что значительная часть вскрытой корреспонденции оказалась фактически прощальными письмами. “Можно уже вообще ни о чем не думать, безумие и отчаяние могут довести до сумасшествия”; “Когда я вчера был на передовой, один боец попросил меня, чтобы его поскорее отправили в тыл. В его подразделении 2 бойца в таком же моральном состоянии, они плакали как маленькие дети”. У многих же исчезает надежда на деблокирование: “На этом холоде наши подразделения не пройдут вперед, кроме того, кольцо окружения уже слишком сильное. У нас большие потери. Если так пойдет дальше, русский скоро прикончит нас”.

В третьем отчете, охватывающем период до 16 января 1943 г., откровенно сказано, что у солдат “нет никаких надежд на освобождение, раздаются сомнения в том, есть ли еще выход”; “наступило всеобщее отупение, все думают только о еде”⁷⁵.

Обратной стороной растущего отчаяния и паники становится все большее падение воинской дисциплины, что особенно проявляется в январе 1943 г. Солдаты уже не желали “умирать по приказу”, учащаются случаи полной анархии в частях. “Стало обычным, – вспоминал Адам, – что солдаты без разрешения покидали свои позиции. Нам доносили об отказах повиноваться. Все были охвачены страхом перед пленом. Офицеры также стремились быстрее выбраться из ловушки”⁷⁶. Об этом же писал офицер Х. Цанк: «В эти дни мы старались удерживать собственных солдат от паники. Вера в еще возможное деблокирование извне и даже в собственное освобождение из кольца была полностью утеряна. Речь могла идти только о том, чтобы “продаться как можно дороже”, соблюсти интересы солдат и оттянуть гибель армии, как только можно»⁷⁷.

Для военнослужащих вермахта разгром под Сталинградом стал сильнейшим потрясением: их “непобедимая армия” потерпела самое жестокое поражение с начала Второй мировой войны – победителем в этой битве стали советские воины, по нацистским представлениям, люди “низшей расы”.

После поражения вермахта под Сталинградом среди военнопленных стали распространяться антифашистские настроения. 12–13 июля 1943 г. в СССР был создан Национальный комитет “Свободная Германия” (НКСГ), куда вошли немецкие политэмигранты и военнопленные из числа захваченных под Сталинградом. Создание и деятельность НКСГ были санкционированы “на самом верху” и привлекали личное внимание Сталина. Летом 1943 г. советские политработники и военные переводчики А.С. Бланк и А.Б. Рейтман составили меморандум “К вопросу о зарождении и развитии антифашистских настроений среди офицеров и генералов немецкой армии, взятых в плен под Сталинградом”. На первой странице этого документа есть подпись: “И.Ст.” и дата: “21 июля 1943 г.”⁷⁸.

⁷⁴ Ibid, S. 94.

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶ Адам В. Указ. соч., с. 195.

⁷⁷ Zank H. Stalingrad. Kessel und Gefangenschaft. Berlin – Bonn, 1993, S. 62.

⁷⁸ Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ. соч., с. 141–142, 161.

Вместе с тем, в первой половине 1943 г. большая часть военнослужащих вермахта оценивала итоги зимней кампании как тяжелую, но временную неудачу. Они знали о капитуляции 6 армии в Сталинграде, о прорыве блокады Ленинграда, однако надеялись, что это временное поражение, вслед за которым вермахт вновь добьется побед. Ведь советские войска в начале войны терпели неудачи, однако продолжали борьбу. Военнопленные говорили, что им трудно представить себе, как после стольких усилий и успехов, после захвата такой большой территории Германия может потерпеть поражение. Однако нередкими стали и пессимистические взгляды на исход войны. О неизбежном поражении Германии еще прямо не говорилось, но в суждениях чувствовались усталость, неверие в близкий и победоносный мир⁷⁹.

Германское верховное командование пыталось с помощью пропаганды сгладить шок от поражений 1943 г. В этой связи была “видоизменена информация”, поступающая с передовой. Так, после Курского сражения в газетах сообщалось о том, что в районе Белгорода и Орла была лишь предпринята попытка остановить немецкое наступление. В качестве доказательств помещались многочисленные фотографии с подписями: “Немецкие солдаты ждут приказа, чтобы отправиться дальше после того, как красноармейцы попробовали остановить их в районе Белгород–Орел”. Большая часть газетного пространства была занята фотографиями награжденных Рыцарским крестом⁸⁰. Был найден и широко использовался термин “эластичный фронт”. Отступление называлось удачным стратегическим действием. Приводились также сообщения иностранных газет о больших потерях среди русских. Кроме того, видоизменилась методика нацистской пропаганды: она теперь была направлена на внушение своим солдатам страха поражения, мобилизацию сил для защиты своей жизни и жизни близких. В этой атмосфере появилась и получила большое распространение поговорка: “Радуиться войне, ибо мир будет страшным”.

Однако военнослужащие, отторгая приукрашивание действительности, “требовали” достоверной информации о противнике. Информация о противнике стала все же больше соответствовать реалиям. В 1943 г. в частях вермахта была роздана брошюра Э.Э. Двингера “Знаешь ли ты русского человека? Путь к ликвидации большевизма”. В ней разъяснялось, что русский человек совершенно другой, в сравнении с тем, чем он был в 1914 г.: «Мы не можем больше обходиться понятием “человек низшей расы”, мы вообще не можем идти дальше с понятиями подобного рода... Все, что вело западные народы к победе, уже неэффективно против этого противника»⁸¹.

Усталость военнослужащих вермахта от войны выливалась во все увеличивающееся количество нарушений воинской дисциплины. Почти все немецкие военнопленные сообщали о драках, азартных играх, пьянстве, мародерстве. В значительном количестве имели место случаи сдачи в плен немецких военнослужащих. Увеличилось число “показательных расстрелов” с целью укрепления дисциплины в войсках. Приказы о смертных приговорах зачитывались перед строем и печатались в газетах. В приказе штаба ОКВ о мероприятиях по борьбе с перебежчиками от 13 декабря 1944 г. говорилось: “На решающей стадии нашей борьбы за существование имеют место случаи перехода отдельных потерявших честь элементов на сторону противника с целью избежать боя и сохранить свою жалкую жизнь. На основании указаний фюрера приказываю: 1. Немедленно открывать огонь из всех видов оружия по каждому солдату, явно переходящему на сторону противника; ...3. Если в результате расследования будет установлен факт перехода к противнику, то судебное разбирательство следует закончить приговором к смертной казни и приговор привести в исполнение; 4. Семья приговоренного к смерти перебежчика отвечает за преступление осужденного имуществом, свободой или жизнью”⁸².

⁷⁹ Кожин С.В. Указ. соч., с. 105.

⁸⁰ Кормильцев Е.Т. Указ. соч., с. 70.

⁸¹ Förster J. Zum Russlandbild der Militärs 1941–1945. – Das Russlandbild im Dritten Reich. Wien, 1994, S. 158.

⁸² Моральный крах вермахта. – Военно-исторический журнал, 1995, № 3, с. 61.

Летом 1944 г. после новых сокрушительных ударов Красной Армии предчувствие надвигающейся катастрофы нацистского рейха стало реальным. Но и в это время мысль о поражении Германии была неприемлемой для большинства германских военнослужащих. Они были уверены, что в случае победы СССР их страна будет расчленена, а население угнано в Сибирь. Поэтому немецкие солдаты и офицеры отчаянно пытались цепляться за очередные “соломинки”, способные, по их мнению, еще изменить ситуацию в пользу Германии. Говорили о разладе в антигитлеровской коалиции, о непреодолимых германских оборонительных линиях на различных естественных рубежах (Днепр, Пинские и Мазурские болота, Висла и т.д.). Особые надежды возлагались на “секретное чудо-оружие”. Даже в марте–апреле 1945 г. среди части солдат из пополнения еще сохранялась надежда на благополучный исход войны. Свое стремление продолжать сопротивление немецкие фронтовики объясняли страхом перед смертью и выполнением долга перед родиной.

Высадка союзных войск в Нормандии в июне 1944 г., а также покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. были восприняты многими фронтовиками как “удар в спину”, вызвав дополнительную озлобленность по отношению к врагу. Открытие союзниками Второго фронта послужило для военнослужащих вермахта дополнительным поводом задуматься о собственном спасении в условиях реальной перспективы военного поражения Германии. Пленный офицер 557 пехотного полка 331 пехотной дивизии заявил: “Мы не можем выиграть войну, так как мы теперь слабее, чем Россия, Англия и Америка. Нам не победить. У нас нет больше людей, чтобы пополнять армию”⁸³.

В справке, написанной в мае 1944 г. капитаном Красной Армии Е. Денисовой, отмечено, что «если профашистски настроенные солдаты готовы сражаться до последнего за фюрера и еще надеются на победу, то остальные воюют, понимая безнадежность положения... Солдаты совершенно не представляют себе реальных путей спасения Германии от катастрофы. Ни один пленный хотя бы намеком или даже в неясной форме не указывал на возможность разрешения этого положения. Некоторые находят выход лично для себя в плену. Но выход “для всей Германии” ни один не видит. Боевой дух личного состава значительно упал по сравнению с началом войны. В конце 1944 – начале 1945 г. много офицеров весьма критично высказывались в адрес Гитлера. Но пленные солдаты Гитлера критике почти не подвергали»⁸⁴.

Надежда на предотвращение краха лейтмотивом звучит в показаниях военнопленных вплоть до весны 1945 г. При этом часть пленных, в основном офицеры, с лета 1944 г. ясно видела неизбежность скорого конца. Однако анализ протоколов допросов показывает, что даже в марте–апреле 1945 г. среди части солдат из пополнения еще были надежды на благополучный исход войны. Солдаты и большинство офицеров уже не видели пути к спасению, однако, находясь в этом отчаянном положении, вермахт продолжал сопротивляться вплоть до подписания капитуляции⁸⁵. Стремление продолжать сопротивление на фронтах немецкие военнослужащие зачастую объясняли инстинктом самосохранения. Офицер танковых войск О. Кариус вспоминал: «Бог знает, кто может поверить в то, что мы выстояли потому, что взгляд Гитлера, голос Геббельса или форма Геринга были особенно нам приятны. Как можно сравнивать понятия “правительство” и “родина”? Мы удерживали свои позиции и старались изо всех сил потому, что были законопослушны. А если мы уже не могли больше об этом думать, обезумев от тягот, холода и голода, то держались, подстегиваемые страхом и инстинктом. Да, мы следовали инстинкту, который заставлял нас верить в то, что огромная опасность с Востока угрожала нам»⁸⁶.

К концу 1944 г. многие солдаты и офицеры вермахта осознали бессмысленность сопротивления и происходит окончательный перелом в их восприятии перспектив войны. Главным для них становится стремление выжить для того, чтобы получить

⁸³ Цит. по: Еременко А. И. Указ. соч., с. 199.

⁸⁴ Кожин С. В. Указ. соч., с. 104.

⁸⁵ Там же, с. 175.

⁸⁶ Кариус О. Указ. соч., с. 41.

шанс в послевоенном мире. “Настроение в этот момент, – по воспоминаниям командира 92 моторизованного пехотного полка Р. Петерсхагена, – как перед концом света. Одни из этих бывших полководцев взвешивали: не покончить ли с собой..., боялись... неизвестного будущего. Другие пытались оглушить себя алкоголем”⁸⁷.

“Как и повсюду на разбитых фронтах, отдельные еще крепкие войсковые части были слиты с подразделениями выздоравливающих, фольксштурмом, иностранцами, эсэсовцами, пополнениями, присланными из военно-морских и военно-воздушных сил”⁸⁸. Многие из фронтовиков, воевавших на Восточном фронте, уже не видели смысла продолжать сопротивление, уповая лишь на авторитет Гитлера и использование секретного оружия. Однако солдаты и офицеры вермахта считали своим воинским долгом сражаться за Германию до конца.

* * *

Подведем итоги. В сравнении с западноевропейской кампанией, в войне против СССР вермахт имел дело с совершенно иным по своим морально-психологическим и боевым характеристикам противником. Советские солдаты и офицеры были способны воевать и жертвовать собой в условиях, неприемлемых для немецких военных. На первых порах немецкие солдаты и офицеры полностью принимали созданный нацистской пропагандой образ “русского врага”. Красноармеец и гражданский советский человек представлялись “зверем”, “недочеловеком”, угрозой жизни немецкой нации.

Однако в ходе военных действий в результате знакомства с противником у солдат и офицеров вермахта меняется созданный нацистской пропагандой “образ русского врага” в сторону его “очеловечивания”. Упорное сопротивление советских войск под Москвой и Сталинградом, личное мужество и доблесть советских бойцов вынудили вермахт признать высокие боевые качества красноармейцев. При этом в сознании немцев сохранялись представления о русских как “варварах”.

Провал наступления вермахта на Москву, контрнаступление советских войск зимой 1941–1942 гг. и крах планов блицкрига привели к психологическому надлому немецких фронтовиков. Окружение и капитуляция группировки вермахта в Сталинградском “котле” вызвали существенные сдвиги в морально-психологическом состоянии германских войск. Вермахт столкнулся с реальной перспективой поражения в войне. Катастрофичным для нацистского мироощущения был тот факт, что победителем в схватке оказались советские воины.

---

⁸⁷ *Петерсхаген Р.* Мятая совесть. М., 1958, с. 66.

⁸⁸ *Тингельскирх К.* Указ. соч., т. 1, с. 251.